

В.Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ: «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ» РЕВОЛЮЦИОНЕР И ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Д.Д. Пызигов

Пызигов Денис Дмитриевич – магистрант кафедры философии религии и религиоведения Института философии СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. E-mail: ddpyzikov@gmail.com

Пызигов Д.Д. 2020. В.Д. Бонч-Бруевич: «профессиональный» революционер и один из основателей советского религиоведения. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. № 1(13). С. 95–104. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-95-104>

Статья поступила в редакцию: 06.07.2019. Принята к публикации: 18.12.2019.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX вв.».

Статья посвящена первому этапу жизни и деятельности известного ученого, исследователя миноритарных религиозных групп В.Д. Бонч-Бруевича (1873–1955). Этот выбор не случаен, поскольку начало творческого и исследовательского пути ученого неразрывно связано с его становлением как индивида и личности, его человеческими качествами, желаниями и стремлениями. В статье предпринята попытка реконструировать, опираясь на методологию интеллектуальной истории, историю жизни и творчества Бонч-Бруевича.

Благодаря дружбе с В.И. Лениным и активной революционной деятельности, в которой важную роль играла организационная работа, а также пропаганда (с первых годов XX века он был редактором, издателем и сотрудником социал-демократических и большевистских газет и журналов). В.Д. Бонч-Бруевич вошел в номенклатурную элиту нового государства и в 1918 году занял должность управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Но в отличие от многих деятелей революционного движения, которые до революции 1917 года воспринимали представителей миноритарных религиозных групп в качестве «попутчиков», он как до революции, так и после нее отстаивал право верующих на свободу совести. При этом Бонч-Бруевич никогда не оставлял научную деятельность и продолжал заниматься ею вплоть до своих последних дней, совмещая организационную и научную работу. Его огромный вклад в изучение религии в России и становление советского религиоведения трудно переоценить. Изучение жизни и творчества Бонч-Бруевича, как и других исследователей советского периода, представляется достаточно важным особенно в контексте современных споров о советской гуманитарной науке.

Ключевые слова: В.Д. Бонч-Бруевич, революция, СССР, церковно-государственные отношения, миноритарные религиозные группы, история науки, интеллектуальная биография, этос науки, антирелигиозная политика.

В последнее десятилетие в России и на Западе возрастает интерес к изучению истории советской науки в целом, и религиоведения в частности¹. Несмотря на большое число исследований многие ключевые фигуры советской религиоведческой науки все еще остаются в тени. Это в полной мере относится к такому крупнейшему исследователю миноритарных религиозных групп, как Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873-1955). Несмотря на то, что в советский период выходили работы за авторством, например, А.И. Клибанова [Клибанов, 1983], Г.Г. Демиденко [Демиденко, 1976], О.Д. Голубевой [Голубева, 1972] и др., но все они в основном фокусировались на политической и организационной деятельности Бонч-Бруевича в качестве управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Исключением можно считать только работы Клибанова, для которого Бонч-Бруевич был в первую очередь авторитетным ученым, на труды которого сам Александр Ильич постоянно ссылался и которому посвятил свой известный труд «История религиозного сектантства в России 60-е гг. XIX в. — 1917 г». Но, как бы то ни было, в советской историографии невозможно было избежать клишированных формулировок, апеллирующих к революционному прошлому Бонч-Бруевича. Поэтому, как часто бывает в таких случаях, слово «большевик» в народной мемориальной культуре порождает определённого рода ассоциации «антирелигиозника», «гонителя православной церкви» и т.п. В свою же очередь, идеологический мейнстрим государственной исторической политики награждал его такими стерео-

типными определениями, как «великий», «известный», «верный» и т.д. В данном случае требуется принципиальная оговорка, что деятельность Бонч-Бруевича следует рассматривать в первую очередь как деятельность ученого и представителя отечественной науки по изучению религии, который сохранил в своих исследованиях научную объективность и придерживался строго выверенной методологии, несмотря на навязанную сверху идеологическую цензуру. Это важно отметить, т.к. с начала 1920-х годов в стране на смену антиклерикальной пропаганде приходит пропаганда антирелигиозная, что является последствием борьбы с издержками НЭПа. И такая принципиальность в строгом следовании этосу науки многим ученым или их родственникам стоила свободы. По точному замечанию современных исследователей нельзя всех советских авторов, писавших о религии в то время, «мазать одной краской» и даже ставить в один ряд [Шахнович, Чумакова, 2016: 16; Шахнович, 2015]. Нужно провести четкое разграничение между учеными и агитаторами и пропагандистами, выпускавшими достаточно поверхностные и даже пошлые антирелигиозные брошюры. Таким образом, с одной стороны мы получим такие имена, как В.Д. Бонч-Бруевич, В.Г. Богораз, Н.М. Маторин и др. С другой же: Б. Кандидов, И. Шпицберг, Ф. Путинцев и др. К последним так же можно причислить и главу VIII («церковного») отдела Наркомюста П. Красикова. У него и Ф. Путинцева часто возникали споры с Бонч-Бруевичем по вопросам государственной политики в отношении верующих и религиозных организаций. Так, уже будучи директором Музея

¹ См. например: Smolkin V. 2018. *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton: Princeton University Press. 360 p.; Шахнович М.М., Чумакова Т.В. 2016. *Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР*. Санкт-Петербург: Наука. 367 с.

истории религии и атеизма в Ленинграде В.Д. Бонч-Бруевич боролся с «духом антирелигиозной пропаганды» в музее, отмечая, что экспозиция не должна быть просто антирелигиозной, что надо вести научную пропаганду, но быть чрезвычайно осторожными с оскорблением религиозных чувств [Шахнович, Чумакова, 2014: 82].

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич был одаренным и невероятно трудоспособным человеком, только этим можно объяснить то обстоятельство, что в течение своей жизни он мог одновременно заниматься столь разными видами деятельности. Молодой землемер, увлекающийся марксизмом, на одном из собраний народников знакомится с будущим вождем пролетарской революции, начинает сотрудничать с ним и заниматься издательской деятельностью революционного характера, что в будущем приведет его на пост управляющего делами Совнаркома; параллельно со всем этим он изучает «сектантские» движения и становится самым авторитетным специалистом в этой области; должность в СНК и профессиональные научные интересы приводят Владимира Дмитриевича к идее создания первого в стране трудового образцового совхоза, после работы в котором он продолжает заниматься научной деятельностью, занимает должность директора Государственного литературного музея; под конец жизни становится заведующим сектором истории религии и атеизма в Институте истории АН СССР и директором Музея истории религии и атеизма при АН СССР. Вот как выглядят основные вехи научного творчества человека, биография которого вполне могла бы лечь в основу исторического романа, но до сих пор не имеющая объективного и полноценного научного исследования. Данная статья не претендует на исчерпывающий анализ всей многосоставляющей личности. В первую очередь нас будет интересовать два аспекта деятельности, ставшие главными

в первой половине его жизни и в которых В.Д. Бонч-Бруевич добился большого успеха: научное увлечение так называемым «сектантством» и его организационная и государственная деятельность.

Интерес к малым религиозным группам² у В.Д. Бонч-Бруевича проснулся в молодости во время изучения быта крестьян и рабочих. Важность революционной агитации среди социальных низов он объяснял их угнетенным положением, восприимчивостью и желанием перемен [Бонч-Бруевич, 1973а: 263-280]. Так, в очерке «Пройденный путь» он пишет, что нашел у себя в старом дневнике запись следующего характера: «Необходимо со всей тщательностью присматриваться к общественной жизни, обращая особое внимание на жизнь обездоленных рабочих и крестьян, оценивая все с социал-демократической точки зрения» [Бонч-Бруевич, 1963с: 150]. Начинать же Владимир Дмитриевич с увлечения идеями народников, когда в начале 1890-х жил и учился в Курске после исключения из Константиновского межевого института в Москве за организацию студенческого протеста против администрации. Перед возвращением обратно он порывает с народничеством и идентифицирует себя уже как убежденный марксист: «... я считаю для себя февраль 1892 г. решающим в своей жизни, когда я самоопределился как марксист, и с этих пор работал всегда под знаменем революционного марксизма» [Бонч-Бруевич, 1963с: 151]. Когда он двадцатилетний возвращается в Москву, то начинает принимать участие в собраниях марксистских кружков. Примерно к тому времени относятся и его воспоминания: «... для меня самого стал совершенно ясен смысл жизни, которого так все тогда любили добиваться: служение народу, борьба за его лучшую долю, страдание с ним и для него, за его судьбу и счастье» [Бонч-Бруевич, 1927: 192]. «Работа под знаменем марксизма» и «служение народу» подразумевало издательскую деятельность и идеологическую

² Термин «секта» в общественном сознании имеет негативные коннотации, т.ч. его лучше ставить в кавычки или заменять на профессиональное определение.

работу среди рабочих на производстве и крестьян в деревне.

Незадолго до отъезда в Женеву в качестве члена «Московского рабочего союза» для помощи группе «Освобождение труда», Владимир Дмитриевич предпринимает поездку по деревням с целью пропаганды социал-демократических идей. В письме к своей будущей супруге В.М. Величкиной³ от 25 декабря 1895 года он пишет: «Вглядываясь в это белое море снега, в эти бедные, ветхие деревушки, в этих обобранных крестьян, холодных, исхудавших, привыкших к голоду, совестно как-то и очень совестно становится жить в хоробах, спать на мягких подушках, под мягкими одеялами, есть сладко и еще совестно отдыхать, мало устав, а главное, мало сделал. Я не пропускаю ни одного лица, ни одного движения из встречающихся мне крестьян, взрослых, подростков и мальчиков, и общее впечатление пока складывается такое: тьма, тьма и тьма. На лицах часто читаю тупую покорность судьбе и фразы “Все от бога”, “Как бог захочет так и будет”... мне прямо становится противно до омерзения. Ведь бог здесь является эквивалентом станового, урядника, сотского! [...] На днях я уезжаю по деревням, эта поездка мне даст очень много, так как я не упущу ни одной малейшей черточки во всем том, что мне встретится» [Бонч-Бруевич, 1963b: 471-472]. В следующем письме от 2 января 1896 года встречается принципиально важное обстоятельство, которое возможно и склонило Бонч-Бруевича на исследования именно «сектантского» элемента в крестьянстве: «Поездка эта принесла мне очень много пользы... Даже не скажу, что видел много, но виденное произвело большое впечатление, навеки отложилось в мозгу и душе и произвело известную (некоторую) метаморфозу в понятиях (практических). Крестьянское житье-бытье со всем своим

убожеством, недомоганием, хроническим голодом, житье, по внешней обстановке не рекомендованное наукой даже и для скота, заставило меня подумать очень много об «опростании», о том опростании, которое стремится к приближению к жизни крестьян до мелочей [...] До Рождества не мог познакомиться с Чертковыми не потому что не хотел, потому что в буквальном смысле слова не было ни одной свободной минуты. Вчера, именно так, как Вы писали в письме Михаилу Николаевичу и как я сам и ранее хотел сделать, я просто-напросто пришел и отрекомендовался. Сидел весь вечер; вечером пришел Лев Николаевич Толстой, был Попов, был Страхов, Семенов. Мы долго беседовали о разных разносях. Чертковы мне очень понравились, а Л.Н. [Лев Николаевич] ещё больше. Мы обо многом беседовали; я всеми силами старался поколебать их мнение относительно революционеров. Рассказывал им много фактов о современных движениях и т.п.» [Бонч-Бруевич, 1963b: 473].

Во-первых, что такое «опростание», о котором говорит Владимир Дмитриевич? Возможно, подразумевается освобождение или очищение от угнетения и тяжкого социального положения; но освобождение не в прямом социально-политическом ключе (ибо откуда «тупая покорность»?), а освобождение мировоззренческое и духовное, т.е. религиозное, где в религии проявляется ее компенсаторная функция. В работе «Раскол и сектантство в России» (1903) Бонч-Бруевич пишет, что «в политическом протесте все секты имеют общие точки соприкосновения» [Бонч-Бруевич, 1973c: 183], который выражается в так называемом «Законе бога», являющийся выражением социально-политических интересов и требований, которые зависят от классового положения каждой отдельной «секты» и еще не осознанные как таковые, а обличенные народной мыслью в рели-

³ Вера Михайловна Величкина (1868 – 1918) была активным участником народнического и социал-демократического движения. Закончила медицинский факультет Бернского университета, занималась культурно-просветительской работой среди крестьян, издательской и революционной деятельностью. Автор научно-просветительских книг. Свою общественную деятельность начала в 1891 году с работы столовых, созданных Л.Н. Толстым для помощи голодающим. См. подробнее: *Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма*. В 5 т. Т. 5: Социал-демократы. 1880-1904. №2. С. 746-749.

гиозную форму: «"Закон бога" есть ничто иное, как задушевное желание сектантов или раскольников того или иного слоя населения. «Законы бога» различны у различных групп, и это различие зависит от экономических условий, в которых находится данная сектантская и старообрядческая группа населения. Одно всегда общее всем "Законам бога" – это недовольство современным самодержавным порядком» [Бонч-Бруевич, 1963d: 99]. Отсюда идут корни и особого отношения В.Д. Бонч-Бруевича к миноритарным религиозным группам, как обладающим особым революционным потенциалом.

Во-вторых, встреча Владимира Дмитриевича с Л.Н. Толстым и его религиозными последователями (толстовцами) открывает долгий взаимный спор по поводу участия «сектантов» в революционной борьбе, который обострится в 1902-1903 годах. Толстовцы, как известно, придерживались идеи «непротivления злу насилieм», таким образом отрицая какое бы то ни было насилie вообще и революцию в том числе. Будучи в эмиграции В.Д. Бонч-Бруевич какое-то время сотрудничал с толстовским издательством «Свободное слово» со страниц которого в своих статьях и заметках призывал «сектантов» к протестам и борьбе с царским правительством и насилieм со стороны православной церкви, совершению «"черного передела" средств производства из рук эксплуататоров в руки производителей» [Клибанов, 1963: 10]. Редакции журнала даже приходилось делать отдельную оговорку, что она совершенно не согласна с этими положениями автора [Клибанов, 1963: 10]. В своей работе «Среди сектантов» (1902) Бонч-Бруевич выделяет лидеров толстовцев И. Трегубова и А. и В. Чертковых, которые, судя по всему, претендовали на лидерство и объединение под своим словом всех «сектантских» направлений в России, и которые совершали выпады против революционного движения, характеризуя социал-демократов как «людей образованных» и «желающих блага русскому народу», но одновременно «страшно клеветующих на народ», что они, мол, готовы к вступлению в революционную борьбу [Бонч-Бруевич,

1973d: 150-166]. В 1951 г. Бонч-Бруевич написал заметку по поводу старого «толстовского» письма, где в том числе говорилось: «Он [В.Д. Бонч-Бруевич – П.Д.] хочет пользоваться, таким образом, сектантами, как орудием для революционных целей. И призывает революционеров идти пропагандировать сектантов в этом духе. Эта статья [*"Значение сектантства для России"* – П.Д.] и все, что пишет в подобном духе Бонч-Бруевич, может принести много вреда сектантам...» [Бонч-Бруевич, 1973с: 173]. В результате расхождений с толстовцами, Бонч-Бруевич настаивал на необходимости ограждения «сектантов» от «утопических реакционеров». Как отмечает его ученик и последователь А.И. Клибанов: «Цель, которую ставил перед собой В.Д. Бонч-Бруевич как деятель революционной социал-демократии, состояла между прочим в том, чтобы парализовать влияние толстовства на сектантские массы и одновременно использовать для социал-демократической пропаганды среди сектантов те каналы, по которым толстовцы осуществляли связи с сектантскими движениями» [Клибанов, 1963: 8].

В Женеве В.Д. Бонч-Бруевич трудится в типографии революционной группы «Освобождение труда» и сотрудничает в ленинской «Искре». Он делится своими воспоминаниями и мыслями по поводу жизни «сектантов» с Плехановым и Лениным, которые советуют молодому исследователю продолжать свои изыскания. Последнего крайне интересуют выводы ученого, что в дальнейшем выльется в их совместную работу по привлечению «сектантов» в революционный дискурс. На основании заметок и наблюдений Бонч-Бруевича В.И. Ленин отмечал, что «сектантство» – это удобная почва для агитации [Бонч-Бруевич, 1963а: 31-73].

В 1899 году Владимир Дмитриевич вместе со своей женой Верой Михайловной Величкиной выезжает из Лондона в Константинополь, откуда они начинают свое путешествие в Канаду, сопровождая группу духоборов из Российской Империи. За два года жизни в общине и общения с духоборами Бонч-Бруевичу удалось собрать богатейший этнографический и ли-

тературный материал, который отразится в опубликованной им «Животной книге».

В 1903 году для второго съезда РСДРП Бонч-Бруевич пишет доклад «Раскол и сектантство в России». В этом докладе он формулирует основные положения данной проблемы в частности, которая идеально вписывается в «крестьянский вопрос» в целом. В первую очередь следует четко разделять «раскольников» и «сектантов». В основе церковного раскола ученый видел социальную и экономическую дифференциацию. Разделение старообрядчества на поповцев и беспоповцев объясняется так же социально-экономически: к поповщине примкнули господствующие экономические классы, к беспоповщине – бедные слои населения. Поповцы пошли на примирение с официальной церковью, беспоповцы же проявляли участие в бунтах С. Разина, Е. Пугачёва и др. «Сектанты», в отличие от «воинствующего раскола», помимо критики настоящего положения, закладывали и положительную программу будущего. Бонч-Бруевич разделяет всех «сектантов» на два типа: свободомыслящие и евангелики (в зависимости от трактовки Писания), что потенциально надо учитывать при социалистической пропаганде среди них. По его классификации к «свободомыслящим» относятся: хлысты, духоборы, молокане, новошундисты, иеговисты, толстовцы и др. К «евангеликам»: баптисты (старошундисты), пашковцы, евангелические христиане и др. Владимир Дмитриевич критикует традиционную для того времени религиозную классификацию, которая разделяет «сектантов» на мистиков (к которому из его классификации относят «сектантов» старого происхождения из восточного цикла, таких как хлысты, скопцы, духоборы) и рационалистов (относящихся к новейшему происхождению западного цикла: новошундисты, все «евангелики»); по его мнению это разделение лишено смысла, т.к. у всех религиозных объединений присутствует элемент мистицизма. По внешней форме всем общинам присуще понятие «Закона бога», т.е. некоего всеобщего закона справедливости; но сущностно он различен, т.к. выражает общественно-по-

литические интересы, которые зависят от «классового положения каждой конкретной общины». В итоге «Закон бога» – это социально-политический протест против существующего строя. Таким образом необходима революционная пропаганда среди «сектантских» общин, по выводу Бонч-Бруевича в их идеологиях имплицитно содержится протест и протокоммунистические начала. В числе трудностей для агитации исследователь отмечал чрезвычайную подозрительность «сектантов» и их конспиративный аллегорический язык, который непонятен неподготовленному слушателю. Среди необходимых мер отмечалось: создание популярной литературы для «сектантов»; необходимость сопротивления клерикализму; участие «сектантов» в революционной борьбе. Съезд поручает ЦК плотно заняться этим вопросом, а сам Бонч-Бруевич начинает выпускать специальную газету «Рассвет».

К 1916 г. им выпущено семь томов «Материалов к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества», что является фундаментальной работой по изучению и коллекционированию живых источников «сектантского» учения и мировоззрения различных течений и толков. В начале каждого тома был напечатан призыв ко всем желающим (в т.ч. самим «сектантам») в участии по сбору материалов, фиксации данных по определенной разработанной схеме, которая прикладывалась автором. Таким образом, В.Д. Бонч-Бруевичем была разработана особая методология и классификация религиозно-общественных движений, что в полной мере отвечает научному подходу. По этому поводу А.И. Клибанов писал: «Работы В.Д. Бонч-Бруевича, написанные в 1902-1903 гг. внесли в изучение сектантства целый ряд новых положений. Главное состояло в том, что история русского сектантства стала рассматриваться им в тесной связи с борьбой классов...» [Клибанов, 1963: 14]. В предисловии к третьему тому собрания сочинений Ю.Я. Коган пишет: «Он был первым русским ученым, применившим марксистский метод к анализу этих движений, в религиозной форме выражавших в некоторых своих проявлениях

крестьянский протест против царизма и помещичьей эксплуатации» [Коган, 1963: 14].

До 1917 года Бонч-Бруевич по заданию Императорской АН часто отправлялся в экспедиции в различные уголки империи для изучения быта и доктрин многочисленных религиозных общин. Так же, он был известен как судебный эксперт во время заседаний по обвинениям в хлыстовстве, старообрядчестве и т.д. Все эти факты биографии свидетельствуют об огромном авторитете В.Д. Бонч-Бруевича как крупного специалиста в своей области.

После Октябрьской революции В.Д. Бонч-Бруевич занимал пост управляющего делами Совета Народных Комиссаров с 1917 по 1920 года. За эти три года работы он боролся с, как тогда говорили, «перегибами на местах» в деле превращения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства; о чем, например, свидетельствуют многие документы из Научного архива ГМИР: его запросы, обращения пострадавших к нему с просьбой о помощи и т.д. К нему обращались верующие всех мастей, искренне уповая на него как на спасителя. Например: обращение патриарха Тихона в СНК по поводу закрытия Троице-Сергиевой Лавры в 1919 году и сопроводительная записка самого Бонч-Бруевича, что Декрет не допускает вмешательство властей в религиозные права граждан⁴; сопроводительная записка по поводу изъятия у Казанского кафедрального собора церковной утвари местным отделом Ч.К.⁵; обращение монахинь Серафимо-Дивеевского женского монастыря в Нижнем Новгороде⁶; обращение монахинь Спасского женского монастыря⁷; жалобы председателя Исполкомдуха А.Ф. Филиппо-

ва⁸; обращение жены бывшего миссионера И.Г. Айвазова по поводу ареста ее супруга⁹ и др. Из общего ряда выбивается жалоба бывшего священника М. Галкина с просьбой к Бончу-Бруевичу о помощи в устройстве его в комиссию по отделению церкви от государства¹⁰. В своей монографии М.Ю. Крапивина пишет, что на посту управляющего делами СНК Бонч-Бруевич использовал свое положение для защиты сектантских лидеров и общин, например, в августе 1918 года он выдал особые охранные грамоты общине «Трезвая жизнь» на специальных бланках СНК [Крапивин, Лейкин, Далгат, 2003: 34-35]. За это ему даже объявили строгий выговор¹¹. В правозащитной деятельности Бонч-Бруевича имеются и дополнительные сведения: «В частности, [В.Д. Бонч-Бруевич – П.Д.] пытался помочь православной трудовой общине г. Пензы (существовала с 1908 года), коммуне молочников Богородской волости Павловского уезда Нижегородской губернии и коммунальным православным монашествующим той же губернии, трудовой общине евангельских христиан в имении Ф.С. Савельева в Вельяминовской волости Серпуховского уезда Московской губернии, содержавшей приют для стариков и детей. Последней В.Д. Бонч-Бруевич советовал зарегистрировать сельскохозяйственную коммуну в НКЗ, что защитило бы их от конфискации имущества»¹². В.Д. Бонч-Бруевич действительно искренне помогал многим людям, даже после оставления своего поста в СНК [Матханова, 2017]. Подобный ракурс практически никак не освещен ни в советской, ни в современной литературе, исключением являются выше приведенные и цитируемые фрагменты и один пространственный абзац в монографии Г.Г. Демиденко, кото-

⁴ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 98

⁵ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 99.

⁶ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 102

⁷ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 109.

⁸ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 115.

Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 116.

⁹ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 142.

¹⁰ Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 106.

¹¹ Научно-исторический архив ГМИР. Ф.2. Оп. 17. Д. 64.

¹² Редькина О.Ю. *Народный Комиссариат земледелия и VIII Отдел народного Комиссариата юстиции РСФСР: проблема сотрудничества государства с религиозными колхозами в годы «военного коммунизма»*. URL: <https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-13/> (дата обращения: 23.03.2020).

рый все равно не вносит никакой конкретики [Демиденко, 1976: 202].

В.Д. Бонч-Бруевич не был бы уникальной личностью, если бы он не смог совмещать организационную работу с научной деятельностью. Одним из результатов этого «совмещения» стали Декрет Совнаркома об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям (1919 г.), и воззвание Наркомзема от 5 октября 1921 года «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». В разработке

обоих принимал участие Бонч-Бруевич. Воззвание предлагало «сектантам» землю для организации на участках трудовых общин – совхозов. В этом деле Владимир Дмитриевич пошел дальше кабинетного теоретизирования – при помощи Ленина [Бонч-Бруевич, 1969] он создал и в течение 9 лет руководил совхозом «Лесные поляны» в Московской области, куда специально для этого переселились представители общины «Начало века» новоизраильского течения.

V.D. BONCH-BRUYEVICH: «PROFESSIONAL» REVOLUTIONARY AND ONE OF THE FOUNDERS OF THE STUDY OF RELIGION IN SOVIET UNION

D.D. Pyzиков

Denis D. Pyzиков – 2st Master's Degree Student of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies Saint-Petersburg State University. 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9. E-mail: ddpyzikov@gmail.com

Pyzиков D.D. 2020. V.D. Bonch-Bruyevich: «Professional» Revolutionary and One of the Founders of the Study of Religion in Soviet Union. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. № 1(13). P. 95–104.
<https://doi.org/0.24833/2541-8831-2020-1-13-95-104>

Received: 15.10.2019. Accepted: 10.02.2020.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Acknowledgements. This article was prepared for the project 16-18-10083 of Russian Science Foundation – «The Study of Religion in Social and Cultural Context of the Epoch: the History of Religious Studies and Intellectual History of Russia in 19th- first half of 20th century».

Abstract. *The article is devoted to the first stage of the life and work of the scientist and researcher of minority religious groups, V.D. Bonch-Bruyevich (1873-1955). This choice is not accidental, since the beginning of the scientist's creative and research journey is inextricably linked with his development as an individual and personality, his human qualities, desires and aspirations. Based on the methodology of intellectual history, the article attempts to reconstruct the history of the life and work of Bonch-Bruyevich. Thanks to the friendship with V.I. Lenin and active revolutionary activities, an important role was played by organizational work, as well as propaganda (from the early years of the 20th century, when he was an editor, publisher and employee of social democratic and Bolshevik newspapers and magazines). V.D. Bonch-Bruyevich entered the nomenklatura elite of the new state and in 1918 occupied the position of business manager of the Council of People's Commissars. But unlike many activists of the revolutionary movement who before the revolution of 1917 perceived representatives of minority religious groups as «companions», he defended the believers' rights to freedom of conscience before and after the revolution. At the same time, Bonch-Bruyevich never left his scientific activity and continued to practise until his last*

days, combining organizational and scientific work. His huge contribution to the study of religion in Russia and the formation of Soviet religious studies can not be overestimated. Studying the life and work of Bonch-Bruyevich, like other researchers of the Soviet period, is quite important, especially in the context of modern debates about Soviet humanities.

Keywords: V.D. Bonch-Bruyevich, revolution, USSR, church-state relations, minority religious groups, history of science, intellectual biography, ethos of science, anti-religious policy.

References:

Smolkin V. 2018. *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 360 p.

Bonch-Bruyevich V.D. 1927. *Pervye shagi. Molodaja gvardija* [First steps. Young Guard]. № 12 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1963a. Vladimir Il'ich i religioznyj vopros [Vladimir Ilyich and the Religious Issue]. Bonch-Bruyevich V.D. *Izbrannye sochinenija*. V 3 t. T. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR. P. 31-73 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1963b. Iz pis'ma k V.M. Velichkinoj [From a Letter to V.M. Velichkina]. Bonch-Bruyevich V.D. *Izbrannye sochinenija*. V 3 t. T. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR. P. 471-472 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1963c. Projdennyj put' [Distance Traveled]. Bonch-Bruyevich V.D. *Izbrannye sochinenija*. V 3 t. T. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR. P. 149-156 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1963d. *Staroobryadchestvo i samodержavie* [Old Believers and Autocracy]. Bonch-Bruyevich V.D. *Izbrannye sochinenija*. V 3 t. T. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR. P. 90-103 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1969. Kak organizovalsja sovhoz «Lesnye poljany» [How the State Farm «Forest Glades» was Organized]. *Vospominanija o Lenine* Moscow: Nauka. P. 398-402 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1973a. Moe izuchenie krest'janskogo voprosa [My Study of the Peasant Question]. *Izbrannye ateisticheskie proizvedenija*. Moscow: Mysl'. P. 263-280 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1973b. Po povodu pis'ma nizhepublikuemogo [Regarding the Letter of the Below Published]. *Izbrannye ateisticheskie proizvedenija*. Moscow: Mysl'. P. 167-172 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1973c. Raskol i sektantstvo v Rossii. Doklad V.D. Bonch-Bruyevicha vtoromu ocherednomu s'ezdu Rossijskoj social-demokraticeskoi partii [Split and Sectarianism in Russia. V.D. Bonch-Bruyevich Report to the Second Regular Congress of the Russian Social Democratic Party]. *Izbrannye ateisticheskie proizvedenija*. Moscow: Mysl'. P. 173-213 (In Russian).

Bonch-Bruyevich V.D. 1973d. Sredi sektantov [Among the Sectarians]. *Izbrannye ateisticheskie proizvedenija*. Moscow: Mysl'. P. 150-166 (In Russian).

Demidenko G.G. 1976. «Del u revolucii nemalo...» *Oчерk zhizni i dejatel'nosti V.D. Bonch-Bruyevicha* [«The Revolution Has a Lot to Do ...» Essay on the life and work of V.D. Bonch-Bruyevich]. Moscow: Politizdat. 206 p. (In Russian).

Golubeva O.D. 1972. V.D. *Bonch-Bruyevich – izdatel'* [V.D. Bonch-Bruyevich – Publisher]. Moscow: Kniga. 136 p. (In Russian).

Klibanov A.I. 1963. V.D. Bonch-Bruyevich i problemy religiozno-obshhestvennyh dvizhenij [V.D. Bonch-Bruyevich and the Problems of Religious and Social Movements]. Bonch-Bruyevich V.D. *Izbrannye sochinenija*. V 3 t. T. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR. P. 7-28 (In Russian).

Klibanov A.I. 1983. Iz vospominanij o V.D. Bonch-Bruyeviche. [From the memories of V.D. Bonch-Bruyevich]. *Voprosy nauchnogo ateizma*. Moscow: Mysl'. № 31. P. 269-295 (In Russian).

Kogan Ju.A. 1963. Predislovie [Foreword]. Bonch-Bruyevich V.D. *Izbrannye sochinenija*. V 3 t. T. 3. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 1963. P. 5-19 (In Russian).

Krapivin M.Ju., Lejkin A.Ja., Dalgatov A.G. 2003. *Sud'by hristianskogo sektantstva v Sovetskoj Rossii (1917 – konec 1930-h godov)* [The Fate of Christian Sectarianism in Soviet Russia (1917 - the End of the 1930s)]. Saint-Petersburg: Izd. SPbGU. 304 p. (In Russian).

Mathanova N.P. 2017. V.D. Bonch-Bruyevich i «akademicheskoe delo»: pomoshh' repressirovannym istorikam [V.D. Bonch-Bruyevich and the «academic affair»: assistance to repressed historians]. *Sibirskaja ssylka. Sbornik nauchnyh statej*. P. 519-535 (In Russian).

Shahnovich M.M. 2015. *Jetos istorii nauki: o rekonstrukcii rossijskogo religiovedenija sovetskogo perioda* [Ethos of the History of Science: about the Reconstruction of the Russian Religion of the Soviet Period]. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. № 1. P. 185-197 (In Russian).

Shahnovich M.M., Chumakova T.V. 2014. *Muzej istorii religii AN SSSR i rossijskoe religiovedenie (1932-1961)* [Museum of the History of Religion, Academy of Sciences of the USSR and Russian Religious Studies]. Saint-Petersburg: Nauka. 457 p. (In Russian).

Shahnovich M.M., Chumakova T.V. 2016. *Ideologija i nauka: Izuchenie religii v jepohu kul'turnoj revoljucii v SSSR* [Ideology and Science: The Study of Religion during the Cultural Revolution in USSR]. Saint-Petersburg: Nauka. 367 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бонч-Бруевич В.Д. 1927. *Первые шаги. Молодая гвардия*. № 12.

Бонч-Бруевич В.Д. 1963а. Владимир Ильич и религиозный вопрос. Бонч-Бруевич В.Д. *Избранные сочинения*. В 3 т. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР. С. 31-73.

Бонч-Бруевич В.Д. 1963b. Из письма к В.М. Величкиной. Бонч-Бруевич В.Д. *Избранные сочинения*. В 3 т. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР. С. 471-472.

Бонч-Бруевич В.Д. 1963с. Пройденный путь. Бонч-Бруевич В.Д. *Избранные сочинения*. В 3 т. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР. С. 149-156.

Бонч-Бруевич В.Д. 1963d. Старообрядчество и самодержавие. Бонч-Бруевич В.Д. *Избранные сочинения*. В 3 т. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР. 1963. С. 90-103.

Бонч-Бруевич В.Д. 1969. Как организовался совхоз «Лесные поляны». *Воспоминания о Ленине*. Москва: Наука. С. 398-402.

Бонч-Бруевич В.Д. 1973а. Моё изучение крестьянского вопроса. *Избранные атеистические произведения*. Москва: Мысль. С. 263-280.

Бонч-Бруевич В.Д. 1973b. По поводу письма нижепубликуемого. *Избранные атеистические произведения*. Москва: Мысль. С. 167-172.

Бонч-Бруевич В.Д. 1973с. Раскол и сектантство в России. Доклад В.Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду Российской социал-демократической партии. *Избранные атеистические произведения*. Москва: Мысль. С. 173-213.

Бонч-Бруевич В.Д. 1973d. Среди сектантов. *Избранные атеистические произведения*. Москва: Мысль. С. 150-166.

Голубева О.Д. 1972. *В.Д. Бонч-Бруевич – издатель*. Москва: Книга. 136 с.

Демиденко Г.Г. 1976. «Дел у революции немало...» *Очерк жизни и деятельности В.Д. Бонч-Бруевича*. Москва: Политиздат. 206 с.

Клибанов А.И. 1963. В.Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений. Бонч-Бруевич В.Д. *Избранные сочинения*. В 3 т. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР. С. 7-28.

Клибанов А.И. 1983. Из воспоминаний о В.Д. Бонч-Бруевиче. *Вопросы научного атеизма*. Москва: Мысль. №31. С. 269-295.

Коган Ю.А. 1963. Предисловие. Бонч-Бруевич В.Д. *Избранные сочинения*. В 3 т. Т. 3. Москва: Изд-во АН СССР. С. 5-19.

Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. 2003. *Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов)*. Санкт-Петербург: Изд. СПбГУ. 304 с.

Матханова Н.П. 2017. В.Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам. *Сибирская ссылка. Сборник научных статей*. С. 519-535.

Шахнович М.М. 2015. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. №1. С. 185-197.

Шахнович М.М., Чумакова Т.В. 2014. *Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961)*. Санкт-Петербург: Наука. 457 с.

Шахнович М.М., Чумакова Т.В. 2016. *Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР*. Санкт-Петербург: Наука. 367 с.